

УДК 81'27

doi 10.17072/2073-6681-2019-1-37-47

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ИНДИВИДА (на материале фронтовых писем Т. В. Антипина)¹

Наталья Васильевна Логунова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин

Соликамский государственный педагогический институт (филиал)

Пермского государственного национального исследовательского университета

618547, Россия, г. Соликамск, ул. Северная, 44. logunovaN@yandex.ru

SPIN-код: 9340-4540

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5772-6385>

ResearcherID: C-3711-2016

Лариса Львовна Мазитова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин

Соликамский государственный педагогический институт (филиал)

Пермского государственного национального исследовательского университета

618547, Россия, г. Соликамск, ул. Северная, 44. mazitova-larisa@rambler.ru

SPIN-код: 2119-2981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6775-8233>

ResearcherID: C-3710-2016

Статья поступила в редакцию 09.11.2018

Про́сьба ссыла́ться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевые жанры как средство характеристики языковой личности и психического состояния индивида (на материале фронтовых писем Т. В. Антипина) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 37–47. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-37-47

Please cite this article in English as:

Logunova N. V., Mazitova L. L. Rechevye zhanry kak sredstvo kharakteristiki yazykovoy lichnosti i psikhicheskogo sostoyaniya individa (na materiale frontovykh pisem T. V. Antipina) [Speech Genres as a Means of Characterizing the Linguistic Personality and Mental State of a Person (Based on the Material of Frontline Letters of T. V. Antipin)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 1, pp. 37–47. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-37-47 (In Russ.)

На основе анализа 154 эпистолярных текстов участника Великой Отечественной войны Тимофея Васильевича Антипина представлено описание элементарных речевых жанров для реконструкции портрета исторической языковой личности, а также для выявления ее эмоционально-психологического состояния в момент порождения текста. Для реализации данного замысла используются методы лингвистической персонологии с целью применения полученных результатов в исследованиях по военно-исторической антропологии. В основе классификации речевых жанров лежит типология И. Н. Борисовой. Установлено, что в письмах Т. В. Антипина представлен весь спектр элементарных речевых жанров, притом что их частотность не одинакова. Среди них есть речевые жанры, которые можно отнести к числу облигаторных – репрезентативы (не являются предметом рассмотрения данной статьи), директивы и социально-этикетные экспрессивы. Остальные жанровые разновидности вариативны. Наиболее информативными как для изучения черт личности, так и для установления ее эмоционально-психологического состояния являются валуативы и эмоционально-личностные экспрессивы – эмотивы. Наряду с этим существенную информацию для реконструкции

портрета личности адресанта дают также директивы и такая разновидность комиссивного жанра, как обязательство. Об эмоционально-психическом состоянии адресанта позволяет судить один из социально-этикетных экспрессивов – приветствие. Длительность переписки (1941–1945) дает достаточный материал для выявления динамических процессов в психофизиологическом состоянии комбатанта.

Ключевые слова: лингвистическая персонология; военно-историческая антропология; историческая языковая личность; эпистолярный текст; речевой жанр.

В статье реализуется лингвоперсонологический подход к описанию речевого поведения исторической языковой личности участника Великой Отечественной войны Тимофея Васильевича Антипина. Это предполагает комплексное исследование речевой продукции индивида с использованием методов, разработанных в последние десятилетия рядом лингвистов, изучающих язык в коммуникативно-прагматическом аспекте [Мельник]; [Нерознак 1996: 112–116; Плесовских 2014: 173–179]. Лингвоперсонологическое описание эпистолярия фронтовика предпринимается для решения задач, поставленных военно-исторической антропологией [Сенявская 1997, 2002]. Один из перспективных способов воссоздания портрета исторической языковой личности – анализ ее речевой продукции с точки зрения отражения речевых компетенций (что было предпринято ранее в ряде статей [Логунова, Мазитова 2017, 2018]), а также с точки зрения реализации в текстах речевых жанров, что является предметом рассмотрения в данной статье.

Вслед за В. А. Салимовским, под речевым жанром будем понимать «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов)» [Салимовский 2003: 352]. Очевидно, что речевой жанр связан со стереотипизацией определенных коммуникативных ситуаций в самых разных сферах коммуникативной и практической деятельности человека и с иллокуцией – типовой целью речевого акта. М. М. Бахтин [Бахтин 1979] в своих исследованиях предложил использовать такие понятия, как *первичный*, *комплексный* и *элементарный* речевой жанр. Под *первичными* понимаются жанры, которые образовались в условиях непосредственного речевого общения. *Элементарными* речевыми жанрами считаются тематические, композиционные и стилистические типы текстов, отличающиеся однородностью интенции. *Комплексные* речевые жанры образуются в результате соединения нескольких элементарных.

Следует отметить, что в современной лингвопрагматике, наряду с теорией речевых жанров [Арутюнова 1992: 52–56; Бахтин 1979; Вежицка 1997: 99–111; Дементьев 1997: 109–121; Федосюк 1997: 102–120; Шмелева 1997: 88–98 и др.], по мнению И.Н. Борисовой, существуют и другие научные парадигмы, исследующие элементарные речевые действия: теория речевых актов

(Дж. Р. Серль, Дж. Остин и др.), теория коммуникативных стратегий и тактик (О. С. Иссерс, Е. М. Верещагин, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, И.П. Сусов и др.) [Борисова 2014: 88–97]. И.Н. Борисова отмечает, что «общим для всех этих теорий является функционально-прагматический подход к описанию речевых действий. Основой выделения элементарного речевого действия является категория интенции (коммуникативного намерения)» [там же: 89]. Для учета «прагматических оснований коммуникативной компетентности (реальных ориентиров, которыми руководствуется говорящий при речепроизводстве)» исследователь вводит понятие «речевой поступок», предлагает и обосновывает оригинальную формулу его динамической структуры [там же: 89–91].

Поскольку, по ее мнению, речевой жанр является одним из структурных компонентов речевого поступка [там же: 91], постольку типологию речевых жанров, по-видимому, можно строить на основе предложенной И.Н. Борисовой типологии речевых поступков. В соответствии с этим целесообразно рассматривать следующие речевые жанры:

1. **Директивные**, которые выражают попытку адресанта побудить адресата к действию или бездействию, повлиять на мировоззрение, установки, эмоции, например: *команда, запрет, поручение, призыв, приказ, просьба* различной степени интенсивности, *совет, убеждение, увещевание, утешение* и под.
2. **Комиссивные**, связанные с принятием на себя обязательств. К ним можно отнести *обещание, обязательство, согласие* или *отказ выполнить просьбу* и под.
3. **Экспрессивные**, которые ориентированы на самовыражение адресанта и делятся на два подкласса в зависимости от степени социально-этикетной обусловленности экспрессивного проявления, а именно:
 - А) *эмоционально-личностные экспрессивы* (выражают чувства, эмоциональные оценки и эмоционально окрашенные отношения): *радость, печаль, гнев, удовольствие, недовольство, досада, заинтересованность, симпатии, антипатии* и др.;
 - Б) *социально-этикетные экспрессивы* (регулируют эмоциональные проявления в социально регламентированных этикетных и

ритуализованных ситуациях): *благодарность, приветствие, прощание, прощение, поздравление, пожелание, сочувствие* и др.

4. **Вердиктивные** (оценочные), подразделяющиеся:

А) на *валюативы* (выражают оценочное мнение и мнение-суждение): *возражение, сомнение, сетование, инвективы* различной степени интенсивности, *комплимент, обвинение, похвала, одобрение, сожаление, упрек, оценочная интерпретация* и др.;

Б) *суппозитивы* (выражают мнение-предположение): *допущение, опасение, предостережение, предсказание* и др.

5. **Репрезентативные**, которые связаны с оперированием информацией и весьма разнообразны: *выяснение, описание, констатация существования факта, намек, напоминание, повествование, ответ на вопрос, запрос информации, сообщение, рассуждение, объяснение* и под.

6. **Коммуникативные регулятивы**, обусловленные «организационными» аспектами взаимодействия: *тематическая инициатива, отказ от темы, мена темы, заполнители пауз* и под. [Борисова 2007: 158].

Отметим, что квалификация отдельных жанров у разных исследователей не совпадает. В представленной типологии *вопрос* отнесен к группе репрезентативов на основе того, что связан с оперированием информацией (а именно с запросом на нее). Однако интенция адресанта заключается в том, чтобы побудить адресата соответствующую информацию представить, что позволяет квалифицировать вопрос как разновидность директивных жанров. На наш взгляд, в ситуации с вопросом иллюкутивной целью в большей степени является побуждение, а не оперирование информацией, поэтому мы будем включать вопрос в группу директивных жанров.

Наряду с этим следует учитывать, что отнесенность того или иного высказывания к определенному элементарному жанру нередко обусловлена контекстом. Так, например, вопрос может быть включен в директивные жанры (если он содержит запрос информации) или в экспрессивные (если носит риторический характер).

Рассматривая набор, соотношение и способы языкового воплощения элементарных речевых жанров, встречающихся в эпистолярных текстах языковой личности, можно выявить ее характерные черты и особенности психического состояния и поведения в той или иной ситуации.

Можно предположить, что набор речевых жанров и их разновидностей, представленных в эпистолярной, обусловлен различными факторами (межличностными отношениями, событиями

прошлого и настоящего), формирующими интенции языковой личности. Ряд жанров ориентирован на текущие события на фронте и в тылу, а также на состояния адресанта. К ним относятся, например, *репрезентативы* (как информативно-центричный жанр) и *валюативы* (ориентированные на оценку ситуации и состояния). Другие, в частности, *директивы* и *экспрессивы* (прежде всего социально-этикетные), обусловлены в значительной степени межличностными отношениями коммуникантов и лишь отчасти событиями, происходящими в тылу (и в особенности в семье). Наиболее разнообразны мотивы, порождающие эмоционально-личностные экспрессивы.

Письмо как первичный комплексный речевой жанр реализует различные комбинации перечисленных выше элементарных речевых жанров в зависимости от совокупности факторов, которые влияют на адресанта в момент создания текста.

Материалом исследования стали письма жителя Соликамска участника Великой Отечественной войны Тимофея Васильевича Антипина, уроженца Красновишерского района, сотрудника электролаборатории Соликамского калийного комбината [Архив]. Он был призван в действующую армию в начале ноября 1941 г. Из эпистолярного архива (переписки Т. В. Антипина с женой Марией) рассматриваются в заявленном аспекте 154 текста, относящиеся к периоду с ноября 1941 по август 1945 г².

Набор элементарных жанров в изучаемых текстах неодинаков и колеблется от *трех* (это всегда *экспрессив, репрезентатив* и *директив*) до *шести*, представленных всем потенциальным спектром элементарных речевых жанров. Таким образом, обязательными для любого письма Т. В. Антипина жанрами являются *экспрессив, репрезентатив* и *директив*.

Наличие *репрезентатива* обусловлено тем, что письмо непременно связано с оперированием той или иной информацией, что реализует конституирующую интенцию эпистолярного жанра. Репрезентативы представлены в каждом письме обширными контекстами, очень разнообразны и разноплановы – тематически и с точки зрения обуславливающих их факторов, поэтому их описанию целесообразно посвятить отдельную статью. В данном исследовании из трех обязательных речевых жанров будут рассмотрены только экспрессивы и директивы.

Из двух разновидностей *экспрессивного жанра* – *эмоционально-личностной* и *социально-этикетной* – вторая является постоянным компонентом любого письма, что связано с необходимостью вербального воплощения таких облигаторных элементов эпистолярного формуляра, как приветствие и прощание.

При анализе форм приветствия в письмах Т. В. Антипина выявлены наиболее типичные и частотные для него формулы: *Здравствуй, Маруся. Привет и наилучшие пожелания* (в письмах от 12.10.43, 20.12.43, 5.1.44, 9.1.44 и в др.); *Здравствуй, Манечка! Привет и наилучшие пожелания* (20.7.43, 30.10.43).

Регулярный повтор в письмах разных лет подобных стереотипных формул, возможно, свидетельствует об отсутствии каких-либо видимых сдвигов в эмоциональном состоянии Т. В. Антипина.

Другие формулы приветствия, которые он использует, выражают ту или иную эмоцию и обнаруживают смену эмоционального состояния адресанта в момент порождения текста. Даже сами формулы обращения к адресату в отрыве от содержания писем свидетельствуют о том, что в одних случаях он испытывает яркие положительные эмоции: *Здравствуй, Марусенька! Привет тебе, моя голубка, пожелания здоровья и всевозможных успехов в делах твоих* (20.4.45); *Привет тебе, моя радость! Привет и пожелания доброго здоровья и успехов* (16.8.44); *Добрый вечер, ночь или утро, моя крошка! Привет тебе и пожелания успехов, радостей и доброго здоровья на многие годы!* (5.7.44); *Здравствуй милая Манечка. Шлю я тебе свой любящий привет и желаю всего наилучшего* (15.10.42), а в других – эмоционально-психическое напряжение: *Здравствуй, Мария! Привет тебе и пожелания успехов и здоровья* (10.7.44, 24.7.44, 3.8.44); *Здравствуй, Мария Якимовна! Привет и наилучшие пожелания!* (31.12.43).

Что касается формул прощания, то только в одном письме (18.4.43) использована форма *Пока досвидания*, тогда как большинство текстов вообще не имеют прощальной формулы. После рождения у Антипиных сына формулу прощания замещает фраза типа *Целую тебя и сына* (10.5.42), а с 1943 г. появляются варианты *Целую* (17.2.43, 27.2.43, 14.3.43, 18.4.43), *Крепко целую* (30.12.42, 28.1.43 и др.). В единичных случаях присутствуют прощальные пожелания: *Желаю вам всем всего наилучшего* (18.4.43). Зато практически в каждом письме сигналом окончания коммуникации являются коммуникативные регулятивы *Пока все* (в подавляющем большинстве посланий) и как варианты *У меня пока все* (4.6.42); *Ну Маня у меня пока все* (27.5.42), <...> *на этом заканчиваю* (15.6.42).

Среди директивных жанров в письмах Т. В. Антипина самым распространенным можно считать *просьбы*, среди которых много стереотипных повторяющихся типа *Пиши. Пиши чаще*, но встречаются и другие просьбы, разной силы интенсивности, например: ... *я прошу тебя:*

сфотографируйся во весь рост в настоящее время <...> И пожалуйста сфотографируй ребенка (26.2.42); *Прошу тебя, пиши обо всем и дай ответ на те старые письма и вообще опиши последовательно свою жизнь, работу, здоровье, взаимоотношения с родными, условия в Соликамске и т. д.* (3.2.42); *Маруся, убедительно прошу тебя – всеми силами сохраняй свое здоровье и будущего ребенка, ничего не жалея* (14.1.42); ... *я настаиваю на том, чтобы ты не теряла с ними письменной связи и наталкивала бы их, а особенно папашу на то чтобы он писал мне почаще* (10.6.42).

Анализ представленных контекстов позволяет считать доминирующими интенциями адресанта сохранение и укрепление семейных отношений и заботу о здоровье жены и будущего, а затем родившегося ребенка.

Довольно распространенными в письмах Т. В. Антипина являются жанры *призыва* и *увещевания*, порой очень близкие своей содержательной стороной, – чаще всего это стремление повлиять на настроение и эмоционально-психическое состояние жены. Дифференцировать эти два жанра можно лишь по формальному основанию – наличию форм повелительного наклонения в призывах и их отсутствию в увещеваниях, например: *Давай, Маня, расти сына здорового, сильного, умного, да выздоравливай сама скорей* (10.5.42); *Главное не падай духом, не унывай* (23.5.42); *Не скучай, подбодрись* (6.11.41); *Пожалуйста поспокойней держи себя, не волнуйся, не горячись, крепись, чтобы не влияли все эти тяготы на Геню* (7.8.42); *Зачем это нужно. Ты портишь здоровье себе и будущему ребенку и только. Слезами не поможешь. Если трудно, то и всем Маруся трудно, надо терпеть, пережить* (30.1.42); *Досуг же твой при желании можно использовать не менее полезно. В твоём распоряжении достаточно литературы по специальности и пособий по другим предметам. Трудность самостоятельных занятий вполне окупится – тем, что раз добившись самостоятельного разбора или решения того или иного вопроса будешь помнить долгое время. <...> Чтение книг с легкой художественной литературой без какой либо системы – бесполезно. Нужно чередовать художественную с научной, прежде составив для этого определенный план. Это было бы очень полезно. Продуманный отдых облегчает труд* (24.1.44).

Последний отрывок демонстрирует намерение Тимофея сформировать у Марии установку на целенаправленное систематическое саморазвитие и самообразование.

В ряде контекстов наблюдается совмещение жанров – в увещевания вписываются призывы,

например: ... *особенно расстраиваться тебе, Маня, не следует, возьми себя в руки* (8.9.42); *Старайся и добивайся ибо под лежащий камень и вода не течет* (10.6.42).

В письмах Т. В. Антипина довольно много *вопросов*, требующих ответа, – запросов информации (причисляемые нами к директивным жанрам). Интересы адресанта касаются того, в каких условиях живет его семья и как в целом протекает тыловая жизнь: ... *чем ты питаешься как из-за продуктов у вас Помогают нет мои родители и что ты думаешь делать как будет ребенок* (30.1.42); *Как ты думаешь с работой быть после родов и вообще какие условия сейчас для матерей с грудным ребенком на производстве, сколько часов нужно работать и разрешаются ли ночные смены. Как насчет молока, можно или нет будет покупать и сколько оно стоит* (17.2.42).

Текстов, реализующих жанр *совета*, в письмах Т. В. Антипина немного, и они, в основном, касаются бытовой тематики: *Сади хотя и то что есть. Желательно бы, конечно, картошку. Проси отпуск и весну используй так, чтобы осень была для тебя и семейства не голодной* (23.5.42); *Насчет обуви Маруся обратись к моему папаше или к сестре Нюре, может у них чтонибудь найдется на первый раз* (16.10.43); *Обратись за пособием в соответствующие организации, может скольконибудь ссудят* (23.5.42).

Жанр *утешения* представлен единичным контекстом и вызван желанием адресанта успокоить жену после смерти сына: *Раз случилось уже такое несчастье то ничего не попишешь, ничем не поможешь, а поэтому особенно расстраиваться тебе, Маня, не следует <...> Трудностей впереди еще много будет, а поэтому тебе надо уметь держать себя покрепче* (8.9.42).

Таким образом, на основе анализа обязательных жанров (исключая репрезентатив) можно выявить доминирующую во фронтовых письмах Тимофея Антипина интенцию – тревога и забота о близких. Вербальное воплощение социально-этикетных экспрессивов и выбор разновидностей директивных жанров позволяют составить представление о личностных особенностях адресанта: сдержанность в проявлении интимных чувств, стремление сохранять позитивный настрой в экстремальных условиях. Реализация Тимофеем Антипиным директивных жанров указывает на его доминирующую роль в отношениях с женой: в письмах он пытается руководить ею в различных бытовых ситуациях и передать ей свою установку на преодоление трудностей.

Среди жанров, которые не являются обязательными, Антипин чаще всего использует *вердиктивы* (особенно *валюативы*) и *экспрессивы*

(включая эмоционально-личностные), а комиссивы и коммуникативные регулятивы в его письмах относительно редки.

Вердиктивы, ориентированные на оценку, представлены в письмах и валюативами (наиболее частотными), и суппозитивами. *Валюативы* зачастую выражают мнения-суждения различного характера:

- об окружающей обстановке и жизни солдата в условиях войны: ... *где бы ты и кем бы ты ни был, везде одинаково – одни и те же условия – условия войны, трудностей очень много, а радостей почти совсем нет* (1942); *Только что пришел с бани, помылся замечательно, как только можно в фронтовых условиях* (13.1.44); *Скучные лица дневальных стоящих у дверей комнат, бестолковая проповедь какогонибудь сержантика из недоучек – все это казались бесцельным и надоевшим до боли в печенках* (20.8.45);
- о своем состоянии и настроении в различных обстоятельствах: *За один день я ничему не научился, а наоборот нуще отупел <...> да в голове такой хаос, что мысли прыгают как у зайца и не могу себя заставить последовательности* (8.11.41); *Легко-ли переломать себя, когда весь организм, все мысли упрямо, настойчиво преследуют демобилизационные цели. <...> Нервы ослабли значительно по сравнению с тем временем, когда я не знал что такое война* (29.8.45);
- о ситуации в зоне боевых действий и в тылу: *Тяжела война там в тылу, но что видели и вытерпели эти мученики по сравнению с тем что приходится на долю глубокого тыла, никак не сравнить* (23.5.42);
- об особенностях западной бытовой культуры и ментальности: *Здесь нет уголка, где бы человек не приложил рук, все приспособлено для интересов хозяйства, все ограничено в рамки экономики и вместе с тем какой-то солидной прочности на большое время. Невольно ощущаешь себя замурованным при виде множества кирпича, камня и железа* (15.8.45); *Меня особенно удивляет то, что рельсы железных дорог на всем протяжении через определенные промежутки подорваны. Чорт их знает, как хватает на это терпения. Даже в своих варварских поступках они точны, как немцы. Вероятно также аккуратно и хладнокровно они насилуют девушек, вырезают им груди убивают стариков и детей* (30.1.44);
- о людях (выражающие как симпатии, так и антипатии): *Какие славные ребята!* (о сослуживцах – 22.11.43); *Она хорошая женщина, но несчастна внешностью* (16.2.44); *Эх, Георгий, Георгий! Я так считаю, что, если бы ему*

пришлось хоть один день хлебнуть фронтовой жизни, то он бы не рыпался там... Кто бы уж про фронт не поминал, только не Георгий. Знаю, какой он вояка, около Пани – пьяный (12.8.42); в окопах сидят существа, проклятые стариками, детьми, девушками, называющие себя арийцами – людьми высшей расы, освободителями (кого и от чего?) (30.7.43);

- о большой и малой Родине: Как велика наша Родина и как много в ней хорошего, чудесного, что постичь одним человеческим веком невозможно (30.1.44); Соликамск, Соликамск! ведь и место то неказистое песок, да ветры, грязь и вонь рудничная и заводская, а вьелся он мне в сердце как образ любимой и кажется нет милее и желаннее этого городишка нигде (21.7.42); Пейзаж природы даже нашей суровой уральской – красивей чем любой, искусственно созданный (15.8.45).

В письмах Т. В. Антипина неоднократно встречается такая разновидность валкуатива, как оценочный метавывод. Он следует за контекстами репрезентативного характера или вердиктивными суждениями и представляет собой некое итоговое заключение типа: *Все это чепуха* (30.11.41); *Это сейчас самое важное, главное* (17.2.42); *Ну Маня все это пустое* (27.5.42); *Такие вечера у нас, конечно, бывают редко, а поэтому они особенно приятны* (9.2.43).

Так же не редки в письмах Т. В. Антипина обращения к жанру сетования: *Первые 2 года с половиною пролетели быстро, а последние полтора тянутся невероятно долго* (16.4.43); *<...> трудно было заставить себя снова подчинить раз установленному и требующему беспрекословного и добросовестного выполнения распорядку военного лагеря* (20.8.45).

Реже встречаются такие разновидности оценочных мнений, как:

- сожаление: *Как жаль, что мы с тобой не вместе и не можем отметить эту дату, даже не можем знать друг о друге – чем заняты в этот день* (7.3.42); *<...> жалко расставаться с товарищами, с которыми я уже свыкся за 8 месяцев* (25.11.42);
- упрек: *Почему мне ни они ни Никандр не пишут – 3.6.42; Ругаю тебя за то, что не пишешь* (19.5.42);
- жалоба: *... мне было не легко тогда, как не легко и сейчас, даже думаю, что тяжелее чем тебе. <...> В последнее время особенно нетерпима погода, просто доводит до точки кипения. Уже с 10 июня как полили дожди и сырые холодные ветры, до сих пор не кончаются, а в каких условиях это просто мучка. Ведь я тебе уже писал, что мы не в дворцах, а в обыкновенном лесу или поле и занимаемся*

и работаем и едим и спим. Удовольствие ни же гораздо среднего, когда ты мокрый как щенок (26.6.42);

- оправдание: *В оправдание своего резкого предыдущего письма хочу объяснить в этом. Вина всему состояние моего здоровья. Каждая маленькая неприятность сильно раздражает меня. Поверь, что я просто достоин сожаления в настоящий период* (27.8.45);
- похвала (*Одним словом молодец ты у меня* (26.6.42)).

Анализ содержательной стороны валкуативных жанров позволяет наблюдать смену психического настроения адресанта на протяжении 1941–1945 гг. Заметно преобладание суждений с отрицательной оценкой – контексты с положительной оценкой единичны – в письмах конца 1941 и первой половины 1942 г. (что связано с болезненной адаптацией Тимофея к непривычным для него экстремальным условиям) и в письмах второй половины 1945 г. (когда не состоялась ожидаемая адресантом быстрая демобилизация). В интервале между этими временными точками положительные оценки в письмах Антипина регулярно чередуются с отрицательными. На основании этого можно составить представление о динамике психического состояния комбатанта: от неуверенности и растерянности первых месяцев пребывания в действующей армии – к обретению внутренней психической устойчивости в период 1943–1944 гг. – до состояния непроходящей раздражительности и тоскливого ожидания после завершения боевых действий.

Вторая разновидность вердиктивов – *суппозитивы*, носящие характер мнений-предположений, представлена несколькими разновидностями:

- предсказание-прогноз: *... разговоры наши будут вестись когда-нибудь еще не на бумаге* (30.11.41); *... впереди еще очень много испытаний* (14.1.42); *Разобьем немца – будем снова жить по настоящему* (30.1.42);
- предположение: *<...> но вероятно не далек тот день, когда придется сражаться* (14.1.42); *Я полагаю, что все же как никак, а в деревне хоть картошки да капуста в досталь* (23.5.42);
- допущение: *<...> может быть меня твое письмо еще и достанет, хотя не уверен в этом* (8.11.41); *<...> мне кажется, если придется побывать на передовых позициях, а побывать придется, то я буду не хуже всех* (17.11.41);
- опасение – порой скрытое: *... можно было найти няньку вроде твоей сестренки, но чем ее кормить? дадут ли для нее паек?* (30.1.42); *Не знаю как буду привыкать к службе* (8.11.41).

В некоторых случаях перечисленные жанры контаминируются.

Таким образом, суппозитивные жанры – это всегда апелляция к предполагаемому будущему, касающаяся либо каких-то обстоятельств жизни семьи, от которой Антипин оторван войной, либо его собственных перспектив – ближайших или отдаленных.

К вариативной части *экспрессивных жанров* относятся некоторые из социально-этикетных экспрессивов (благодарность, извинение, поздравление, сочувствие и др.) и все эмоционально-личностные.

Среди *социально-этикетных экспрессивов* в письмах Тимофея наиболее частотными и вместе с тем нередко стереотипными являются жанры благодарности и извинения. *Благодарность* чаще всего выражается по поводу полученной от жены корреспонденции:

А тебя я благодарю за частую информацию меня (10.7.42); *Большое спасибо тебе за эти письма* (17.2.43).

Наиболее эмоциональны слова благодарности жене за ее преданность и верность: ... *я не знаю как благодарить тебя. Спасибо, тебе моя дорогая подруга, спасибо за твою преданность, за твою верность, спасибо за посылку <...> нет слов выразить благодарность тебе, Манечка, моя дорогая подруга!* (6.1.43). Благодарности по разным поводам порой могут быть обращены не только к жене, но и к другим людям: *Спасибо за привет теще* (28.1.43); *Пусть примет от меня за хорошую помощь благодарность* (6.6.42); *Очень благодарен за ту помощь продуктами, которую они тебе оказали зимою* (23.5.42).

Большинство контекстов с извинениями касаются оформления, а иногда содержания собственных писем: *Извини что на лоскутках писал* (30.12.42); *Извиняюсь, что вышло грязно!* (9.2.43); *Извиняюсь, Маруся, пишу ерунду всякую* (30.11.41); ... *ты написала мне, что мое письмо послужило источником нервной болезни. Очень сожалею что так получилось* (25.11.42); *Еще раз прошу извинения за резкости, которые были результатом раздражения в период плохого состояния здоровья моего и душевного неравновесия* (29.8.45).

Поздравления с сопровождающими их иногда пожеланиями связаны с календарными праздниками или семейными событиями: *Поздравляю, с праздником 1-е МАЯ! Желаю тебе в этот день всевозможных радостей весело и интересно провести время!* (18.4.43); *Поздравляю, Маруся, с благополучным разрешением, с сыном* (10.5.42).

Анализируя эмоциональную составляющую в таких социально-этикетных экспрессивах, как благодарность, извинение и поздравление, отме-

тим, что она не одинакова: одни жанровые реализации, являясь формально-этикетными, практически лишены эмоций, другие, окрашенные личностными переживаниями, имеют отчетливую эмоциональную коннотацию. При этом их объединяет общее назначение – соблюдение речевого этикета и норм межличностного общения.

В отличие от этих трех жанров, *сочувствие* всегда является попыткой адресанта поддерживать эмоциональную связь с родными, от которых он оторван войной: *Я вполне сочувствую и понимаю все что ты пишешь* (14.1.42); *Весьма сочувствую твоим хозяйственным заботам, но помочь не могу* (24.5.43); ... *бедному старика, очень тяжело достается. Я вполне ему сочувствую* (8.9.42) и др.

Набор *эмоционально-личностных экспрессивов (эмотивов)* довольно разнообразен, а некоторые из жанровых разновидностей отличаются высокой частотностью. К тому же именно эмотивы отражают реальное психическое состояние адресанта в тот или иной период и под влиянием тех или иных факторов.

Регулярный в письмах Т. В. Антипина жанр *выражения желания* выявляет доминирующее стремление адресанта быть в курсе семейной жизни и как можно скорее вернуться домой, на родину: *Хочу знать о тебе и о родных и, вообще, о вашей жизни* (30.11.41); *Очень хочу знать как живут мои родители* (23.5.42); ... *ужасно сильно хочу видеть каков сын* (4.7.42); ... *хочется на завод, одеть промасленную спецовку, взять в руки отвертку, плоскогубцы и быть снова рабочим, снова ломать голову над каким нибудь прибором и т. д.* (17.2.42); *Я не дождусь кажется минуты, когда б можно было стрелой помчаться туда, на свой родной Урал, побродить по дебрям северных лесов, по речушке Язве, забраться где нибудь в малинник или за грибами* (15.8.45).

Жанр «выражение желания» с содержательной стороны отчетливо коррелирует с другим эмотивным жанром – *беспокойство*: *Теперь же ты одна, да при том не обеспечена полностью необходимым и это сильно беспокоит меня* (22.11.41); ... *я не найду ни минуты душевного спокойствия, ... ведь уже около 3 х месяцев я не получал от тебя ни строчки* (3.4.42) и др.

Невозможность достичь желаемого в совокупности с беспокойством о родных порой приводит к состоянию тоски, что реализуется в соответствующей (выражение тоски) разновидности эмотивного жанра: ... *меня взяла тоска по тебе Маруся, по родителям и по старой работе на заводе* (17.2.42); *Воспоминания наводят такую грусть, такую тоску, что сердце давит невыносимо* (15.10.42).

Два таких эмотивных жанра, как *радость* и *удовлетворенность*, тематически близки друг другу, но различаются эмоционально-экспрессивной окрашенностью, что подтверждается следующими контекстами: *Я счастлив, Маруся, что ты дала мне сына и рад, что все это прошло благополучно* (10.5.42); *... я счастлив, что имею такую подругу жизни, на которую можно положиться во всем* (26.6.42); *... сумели вы везти дрова из лесу – радуюсь за тебя* (8.9.42); *Наконец-то, я удовлетворен твоими сообщениями!* (23.5.42); *Я доволен, что ты дала сыну такое имя* (23.5.42).

Все процитированные контексты ограничены внутрисемейной тематикой и не затрагивают военных событий. Естественной и ожидаемой была бы положительная эмоциональная реакция адресанта на победу в войне, но, к сожалению, письма, относящиеся к периоду между 4 и 20 мая 1945 г., в эпистолярном архиве Т. В. Антипина отсутствуют.

Негативная эмоциональная окрашенность сближает жанры *досады* и *недовольства*. Соответствующие чувства почти всегда вызваны у адресанта либо длительным отсутствием писем из дома: *Досадно, что так долго ходят письма* (30.11.41); *От Никандра и родителей ни одного письма не получал, просто берет досада <...> Такая досада, что ты не можешь сфотографировать его [сына. – Н. Л., Л. М.]* (11.6.42), либо тем, что его демобилизация затягивается, несмотря на завершение боевых действий: *Еще раздражает то, что не знаешь всему этому срока* (20.8.45); *... но мне надоело сидеть и ждать <...> Порою становится противным все* (15.8.45).

Негативная характеристика противника, чаще всего выражаемая оценочными суждениями в валлоативных жанрах, иногда реализуется через эмотивный жанр *гнева*: *... такая злоба берет на фашистских гадов, что нисколько бы не пожалел себя и случись быть в бою дрался бы сколько есть сил* (21.7.42).

Таким образом, рассмотрение эмоционально-личностных экспрессивов выявляет факторы, влияющие на настроение адресанта, и позволяет утверждать, что эмотивы, так же, как и валлоативы, отражают динамику его психического состояния. Причем одним из факторов, меняющих эмоционально-психическое состояние комбатанта (помимо эмоциогенных событий), является сам факт смены обстановки, ставшей на какое-то время для него привычной, о чем Тимофей Антипин заявляет в одном из своих писем: *Резкая перемена обстановки так разволновала, что воспоминания прошлого роем нахлынули на меня* (20.8.45).

Коммиссивные жанры представлены далеко не во всех письмах Т. В. Антипина. При этом доминирующей разновидностью коммиссивов можно признать *обещание*, связанное чаще всего с заверениями в отношении переписки: *Выберу время – напишу* (17.12.41); *Как буду определен в часть напишу* (26.2.42); *если будет возможность то какнибудь напишу получше* (14.1.42) и под.

Обещание сопряжено с рядом других очень близких ему по интенции жанров, таких как:

- *заявление о намерениях* (то же обещание, выполнение которого не во всем зависит от адресанта, или обещание, адресованное не собеседнику, а третьим лицам): *Если все будет благополучно то займусь на следующем отдыхе* (24.1.44); *Надеюсь, что скоро вышлю* (10.7.42); *Если после этого не будут мне они писать, то я просто на них рассержусь и не напишу ни слова больше* (11.6.42); *Брату напишу на днях* (3.6.42) и др.;
- *обязательство* (обещание следовать долгу в соответствии со своими убеждениями): *Кончим с Гитлером – будем восстанавливать жизнь сызнова <...> Будем выгнывать гитлеровцев* (17.2.42); *Не допускай мысли, что я могу обмануть тебя или сделать подобное, как муж Нины Шипулиной. Такого не будет никогда* (26.2.45); *... а я обязан привыкнуть в этой обстановке* (6.11.41) и др.;
- *согласие выполнить просьбу* (обещание, являющееся ответом на просьбу): *Ты просишь, чтобы я попросил сам родителей в отношении продуктов, ладно, как буду сам писать, пропишу и про это* (28.7.42); *Марусенька, передай Совве, что я ее просьбу выполню* (4.6.45) и др.

В письмах Т. В. Антипина обнаружен лишь единичный случай реализации коммиссивного жанра *признание вины*: *Милая, огорчив тебя своей несдержанностью в предыдущих письмах я раскаиваюсь в своем необдуманном поступке и с чувством стыда берусь за это* (29.8.45). По выражаемой интенции этот жанр близок к одному из рассмотренных выше социально-этикетных экспрессивов – извинению, которому Тимофей и отдает предпочтение в письмах.

Относительное однообразие регулятивов (наряду с уже рассмотренными выше частотными формулами, указывающими на завершение коммуникации, выявлены три контекста с реализацией жанров *тематическая инициатива* и *отказ от темы*) в письмах Т. В. Антипина объясняется, вероятно, спецификой общения в письменной форме, которая в меньшей степени, по сравнению с устной, нуждается в регулировании процесса коммуникации.

Таким образом, анализ набора и содержательной стороны элементарных речевых жанров в составе комплексного речевого жанра частного письма позволяет наблюдать языковую личность и ее психическое состояние. При этом лингвоперсоналогическая информативность различных элементарных речевых жанров не одинакова. Самыми репрезентативными для воссоздания портрета исторической языковой личности можно признать четыре речевых жанра: валюативы, эмотивы, директивы и одну из разновидностей комиссивов – обязательство.

Валюативы и эмотивы содержат оценки, обнаруживающие черты характера и систему ценностей индивида. Директивы как жанр, нацеленный на взаимодействие с партнером, выявляют характер отношений между коммуникантами и свойства личности адресанта. Обязательство как разновидность комиссивов, основанная на системе нравственных установок человека, высвечивает аксиологическую составляющую языковой личности.

Наиболее информативными для выявления психического состояния адресанта в момент порождения текста можно считать валюативы, а также разнообразные эмотивы и одну из социально-этикетных разновидностей экспрессивов – приветствие. Анализ этих жанров на протяжении длительной переписки позволяет квалифицировать психическое состояние адресанта в тот или иной момент, наблюдать изменения в восприятии окружающего мира под влиянием определенных факторов, а в отдельных случаях обнаружить динамику психофизиологического состояния комбатанта, обусловленную адаптационными процессами в экстремальных условиях войны. Содержательная сторона валюативов и эмотивов высвечивает факторы, вызывающие смену настроения и душевного состояния фронтовика.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00136.

² При цитировании контекстов в данной статье во всех случаях сохраняется авторская орфография и пунктуация.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 52–56.

Архив Т. В. Антипина. Фонды Музейно-выставочного центра ПАО «Уралкалий» г. Соликамска.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Борисова И. Н. Речевой поступок как единица коммуникативной практики // Вестник гуманитарного университета. 2014. № 4(7). С. 88–97.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Изд 2-е. М.: URSS, 2007. 317 с.

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 99–111.

Дементьев В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевой портрет провинциалки предреволюционной России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 38–45. doi 10.17072/2037-6681-2017-1-38-45.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Портрет исторической языковой личности жителя уральской провинции Ивана Мальцева (на материале частных писем дореволюционного периода) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 27–36. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-27-36.

Мельник Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсоналогии русского языка. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2011_1/2011_1_Mel%27nik.pdf (дата обращения: 13.10.2017).

Нерознак В. П. Лингвистическая персоналогия: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. С. 112–116.

Плесовских Т. С. Лингвоперсоналогия в контексте антропологического подхода // Science Time. 2014. Вып. 4(4). С. 173–179.

Салимовский В. А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 354–358.

Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / отв. ред. и сост. Е. С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–22.

Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Изд. центр ИРИ РАН 1997. 209 с.

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.

Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

References

- Arutyunova N. D. Zhanry obshcheniya [Genres of communication]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deysis* [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, 1992, pp. 52–56. (In Russ.)
- Archive of T. V. Antipin. The Funds of *Museum and Exhibition Center of OJSC 'Uralkali'* in the town of Solikamsk. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.)
- Borisova I. N. Rechevoy postupok kak edinita kommunikativnoy praktiki [Speech Acting as a Unit of Communicative Practice]. *Vestnik gumanitarnogo universiteta* [The Review of the Liberal Arts University], 2014, issue 4(7), pp. 88–97. (In Russ.)
- Borisova I. N. Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika [Russian colloquial dialogue: Structure and dynamics]. 2nd edition. Moscow, Editorial URSS Publ., 2007. 317 p. (In Russ.)
- Wierzbicka A. Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, 1997, pp. 99–111. (In Russ.)
- Dement'ev V. V. Izuchenie rechevykh zhanrov. Obzor rabot v sovremennoy rusistike [The study of speech genres. Review of works in modern Russian studies]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1997, issue 1, pp. 109–121. (In Russ.)
- Logunova N.V., Mazitova L.L. Rechevoy portret provintsialki predrevolyutsionnoy Rossii [A provincial woman in pre-Revolutionary Russia: speech portrait]. *Vestnik Permsko gouniversiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 1, pp. 38–45. (In Russ.)
- Logunova N. V., Mazitova L. L. Portret istoricheskoy yazykovoy lichnosti zhitelya ural'skoy provintsii Ivana Mal'tseva (na material chastnykh pisem dorevolyutsionnogo perioda) [Portrait of the historical language personality of the inhabitant of the Ural province Ivan Maltsev (based on the private letters of the pre-revolutionary period)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 27–36. (In Russ.)
- Mel'nik N. V. Yazykovaya lichnost' i tekst kak predmet lingvopersonologii russkogo yazyka [Linguistic personality and text as a subject of linguo-personology of the Russian language]. Available at: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2011_1-/2011_1_Mel%27nik.pdf (accessed 13.10.2017). (In Russ.)
- Neroznak V.P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic personology: to determining the status of the discipline]. *Yazyk. Poetika. Perevod. Sbornik nauchnykh trudov* [Language. Poetics. Translation. Collection of scientific papers]. Moscow, Moscow State Linguistic University Press, 1996, pp. 112–116. (In Russ.)
- Plesovskikh T.S. Lingvopersonologiya v kontekste antropologicheskogo podkhoda [Linguistic Personology in the Context of the Anthropological Approach]. *Science Time*, 2014, issue 4(4), pp. 173–179. (In Russ.)
- Salimovskiy V.A. Rechevoy zhanr [Speech genre]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003, pp. 354–358. (In Russ.)
- Senyavskaya E. S. Voенно-istoricheskaya antropologiya kak novaya otrasl' istoricheskoy nauki [Military-historical anthropology as a new branch of historical science]. *Voенно-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik. Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya* [Military-historical anthropology. Yearbook. Subject, objectives, development prospects]. Ed. by E. S. Senyavskaya. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, pp. 5–22. (In Russ.)
- Senyavskaya E.S. *Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki* [Man at war. Historical and psychological essays]. Moscow, IRH RAS Publ., 1997. 209 p. (In Russ.)
- Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, 1997, pp. 88–98. (In Russ.)
- Fedosyuk M. Yu. Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unsolved problems of the theory of speech genres] *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1997, issue 5, pp. 102–120. (In Russ.)

**SPEECH GENRES AS A MEANS OF CHARACTERIZING
THE LINGUISTIC PERSONALITY AND MENTAL STATE OF A PERSON
(Based on the Material of Frontline Letters of T. V. Antipin)**

Natalia V. Logunova

**Associate Professor in the Department of Social Disciplines and the Humanities
Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University)**

44, Severnaya st., Solikamsk, 618547, Russian Federation. logunovaN@yandex.ru

SPIN-code: 9340-4540

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5772-6385>

ResearcherID: C-3711-2016

Larisa L. Mazitova

**Associate Professor in the Department of Social Disciplines and the Humanities
Solikamsk State Pedagogical Institute (the branch of Perm State University)**

44, Severnaya st., Solikamsk, 618547, Russian Federation. mazitova-larisa@rambler.ru

SPIN-code: 2119-2981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6775-8233>

ResearcherID: C-3710-2016

Submitted 09.11.2018

This article is based on the analysis of 154 epistolary texts of the Great Patriotic War participant Timofey Vasilyevich Antipin. It presents a description of elementary speech genres for the reconstruction of the portrait of the historical linguistic personality, as well as for the identification of its emotional and psychological state during the text generation. To implement this idea, we use the methods of linguistic personology in order to apply the obtained results in studies of military-historical anthropology. The classification of elementary speech genres is based on the typology proposed by I. N. Borisova. It is established that T. V. Antipin's letters represent a whole spectrum of elementary speech genres, however their frequency is different. Among the speech genres, there are those that can be attributed to obligatory ones – representatives (are not the subject of this article), directives and socio-etiquette expressives. The rest of the genres – commissives, valuatives, emotional-personal expressives, and communicative regulators – are variable. The genres most informative in the study of personality traits and in establishing the emotional-psychological condition of a person are valuatives and emotional-personal expressives. Essential information for the reconstruction of the sender's personality portrait is also provided by the genre of directives and such type of the commissive genre as commitment. The emotional and mental state of the addresser can be characterized based on one of the socio-etiquette expressive genres – greeting. The duration of correspondence (1941–1945) provides sufficient material to identify the dynamic processes in the psycho-physiological state of the combatant.

Key words: linguistic personology; military-historical anthropology; historical linguistic personality; epistolary text; speech genre.